ВЛАСТЬ БЕЗ МОЗГОВ

СТАНИСЛАВ БЕЛКОВСКИЙ

ИМПЕРИЯ КРЕМЛЬ

КРЕПОСТЬ ИЛИ КРЕПОСТНАЯ СИСТЕМА?

Власть без мозгов

Станислав Белковский

«Империя Кремль». Крепость или крепостная система?

«Алисторус»

2015

Белковский С. А.

«Империя Кремль». Крепость или крепостная система? /
С. А. Белковский — «Алисторус», 2015 — (Власть без мозгов)

Станислав Александрович Белковский – один из ведущих политологов России, писатель и публицист, директор «Института национальной стратегии». Белковский хорошо знает политическую кухню: политтехнологом он работал со многими российскими и украинскими политиками. Он любит и умеет эпатировать публику, его тексты вызывают бурные споры, а порою и скандалы.Сейчас в России стремительно нарастает количество и масштаб всевозможных запретов, пишет в своей книге Станислав Белковский, – запреты охватывают все новые и новые сферы жизнедеятельности человека. Насколько эти запреты способствуют укреплению «империи Кремль», что будет, если в ней восторжествует «крепостная идеология»; как отразились на кремлевской империи события на Украине и санкции Запада, сможет ли она выстоять под натиском своих противников, – Белковский дает неожиданные ответы на эти вопросы.

© Белковский С. А., 2015
© Алисторус, 2015

Содержание

Империя и ее двойник 6
Монархия – мать русской демократии 6
Россия: трудная дорога к монархии 9
Империя и ее двойник 12
Политическая философия Александра Пушкина 15
Третья мировая как альтернатива 18
Конец ознакомительного фрагмента. 19

Станислав Белковский «Империя Кремль». Крепость или крепостная система?

На обложке – рисунок художника Максима Кантора

© Белковский С.А., 2015
© ООО «ТД Алгоритм», 2015

Империя и ее двойник

Монархия – мать русской демократии

Григорий Голосов инициировал очень правильную дискуссию: какая политическая система нужна России объективно, то есть независимо от шкурных интересов и/или субъективных этико-эстетических предпочтений сегодняшних (и завтрашних) политических акторов. Не могу не воспользоваться шансом к этой дискуссии подключиться.

По Голосову, оптимальная политическая система для России – это парламентская демократия, ограниченная возможностью обеспечивать единство политической воли в чрезвычайных ситуациях. Последнее предполагает механизм быстрой «концентрации власти в руках лица, не связанного коалиционными обязательствами и парламентской дисциплиной, но пользующегося прямо выраженным доверием народа».

Необходимость такого механизма объясняется тем, что Россия, с нашими залежами ядерного оружия, остается (на неопределенный исторический срок) сверхдержавой. А значит, грубо говоря, ядерный чемоданчик должен быть в одних руках: доверить его коллективному органу (парламентскому большинству или сформированному им кабинету министров) – невозможно. Детального описания такой модели Григорий Голосов пока не предлагает. Поищем, говорит.

С тем, что реальная демократия в России возможна только в условиях развитого парламентаризма, я согласен. Но есть два замечания, которые представляются мне существенными.

1. Посылка о сверхдержавности России как источнике внутриполитических мотиваций, на мой взгляд, является ложной. Современная Россия – не сверхдержава. Обладание ядерным оружием не есть критерий сверхдержавности. Такое оружие сегодня есть, скажем, у Пакистана, а завтра может оказаться у КНДР. Но разве эти страны можно назвать сверхдержавами? Главный (и, по большому счету, единственный) критерий сверхдержавного статуса – это наличие возможности контролировать (мягче: удерживать в устойчивом поле влияния) определенную часть мира за счет распространения позитивных образцов: политических, военных, экономических, социальных, культурных. К сверхдержавам можно отнести, например, наполеоновскую Францию, покойный СССР, вчерашние и сегодняшние США. Но Россия не экспортирует позитивных образцов. Поскольку она их не создает и не воспроизводит. РФ даже региональной державой уже не является: у ближайших соседей все чаще можно найти настроение «посмотри, как в России, – и сделай наоборот». Потому оглядываться на мнимый (утраченный) статус страны при проектировании нашей политической системы едва ли необходимо.

2. Наряду с демократией и «логикой чрезвычайного поведения» политсистема должна ответить на еще один проклятый вопрос – об устойчивой легитимности власти. На этом предмете я хотел бы остановиться чуть подробнее.

Мы помним – было даже на нашем веку – периоды частичной (временами – почти полной) нелегитимности нашей власти. Так было при позднем Горбачеве и неоднократно – при Ельцине. А вот Путин никаких проблем с легитимностью не испытывал. Хотя и как личность, и как политик он куда слабее того же Ельцина, на мой взгляд. Значит, дело не в свойствах правительствующих личностей или, по крайней мере, не столько в них, сколько в исторических условиях формирования представлений о легитимной власти в России.

Глубинная анархическая природа русского человека не позволила русским сформировать имманентную власть, легитимность которой коренится в волеизъявлении нации. Со времен призвания варягов легитимная русская власть традиционно была не имманентна народу, а трансцендентна ему. Легитимность в России исторически базируется на этой самой трансцен-

дентности. Механизм обеспечения которой – монархический ритуал. Он достаточно сложен и многогранен, но я бы выделил три его основные составные части:

а) эксклюзивность инстанции верховной власти (монарха): у монарха не может быть прямых, допускаемых им самим соперников, претендентов в реальном времени на его престол;

б) непогрешимость монарха: объектом критики может быть кто угодно и что угодно, включая политику монарха и ее последствия, но только не инстанция верховной власти как таковая;

в) независимость монарха от имманентных систем и институтов, например, политической и правовой систем; в частности, это значит, что исключительно сам монарх наделён правом не только выбирать себе преемника, но и формировать самоё логику выбора; народу об этом знать ничего не нужно и даже вредно.

Власть в России всегда была устойчиво легитимной, когда монархический ритуал соблюдался. И стремительно теряла легитимность вослед эрозии ритуала. См. Смутное время, 1917 год, рубеж 80—90-х годов прошлого века. Путин (точнее, коллективный Путин) в начале уходящего десятилетия восстановил легитимность президентства не благодаря каким-то тайным личным достоинствам и заслугам (наличие которых вызывает большие сомнения) самого главы государства, а благодаря возрождению – осознанному и бессознательному – единственного правильного ритуала власти (пп. а) – в)). Частичные же проблемы с легитимностью нынешнего Медведева связаны с эрозией ритуала, по крайней мере, по пункту а). (Двух или полутора царей народное сознание вынести не может, необходим строго один).

Итак, ключевой вопрос: как совместить монархический ритуал, который есть необходимое условие устойчивой легитимности власти и, соответственно, стабильности системообразующих конструкций государственности как таковой, с подлинной, неимитационной демократией?

Мой вариант ответа: только в рамках конституционной монархии.

Политическая система при конституционной монархии в России может выглядеть примерно так. Законодательная власть – у двухпалатного парламента. Нижняя палата – Государственная Дума – избирается раз в пять лет по смешанной (пропорционально-мажоритарной) системе. Верхняя – Сенат – формируется из представителей законодательной и исполнительной власти регионов. Госдума сама, без какой-либо внешней помощи формирует федеральную исполнительную власть – правительство, назначает премьера и ключевых министров. Она же отправляет правительство в отставку. Аналогичная схема воспроизводится в регионах: законодательные собрания назначают региональных премьеров. Которые становятся уже не главами регионов (с концепцией делимого суверенитета пора проститься), а главами исполнительной власти регионов.

Наконец, монарх. У него три основные функции:

• верховный главнокомандующий Вооруженными силами, которому в военное время непосредственно подчиняются войска;

• право роспуска Государственной Думы при наличии для этого конституционных оснований; например, если Дума в течение определенного срока не смогла сформировать федеральное правительство;

• назначение судей.

Последнее позволит сделать первый шаг к реальной независимости третьей власти от первых двух.

Монарх в состоянии быть тем самым лицом, которое, по Григорию Голосову, концентрирует в своих руках особые полномочия в чрезвычайных ситуациях. От коалиционных обязательств он свободен по определению, доверие же к нему со стороны народа будет определяться самим институтом монархии, а не персоной, занимающей трон.

Вот такое предложение к дальнейшему обсуждению. Только, если можно, не надо приводить аргумент, что конституционная монархия – это утопия. Давайте не будем забывать: Россия – страна реализуемых и реализованных утопий.

2010 г.

Россия: трудная дорога к монархии

Наверное, ничто так не порадовало автора этих строк, как результаты голосования на Slon.ru об оптимальной форме государственного устройства России. Почти 40 % участников опроса предпочли конституционную монархию (главный соперник – вариант «демократическая республика» – получил в полтора раза меньше голосов). Судя по всему, активная мыслящая часть нашего народа начинает мыслить в правильном направлении. Почему это направление правильное и отчего именно конституционная монархия – будущая мать русской демократии, я пытался подробно рассказать вот здесь в июле 2010 года, в рамках дискуссии, инициированной Григорием Голосовым. Так что кому, как не мне, радоваться уверенному росту конституционно-монархических настроений!

Не пересказывая подробно те июльские тезисы, повторю идею вкратце: чтобы в Россия состоялась эффективная легитимная демократия, надо и необходимо, чтобы сакральный контур верховной власти, символически воплощающий стабильность государства и незыблемость основ его исторического бытия, был отделен от исполнительной и законодательной властей. Такой вариант возможен только в условиях конституционной монархии, где первое лицо – монарх – лишен как исполнительно-распорядительных функций, так и возможности влиять на принятие законов (за исключением Основного закона), но при этом воплощает трансцендентность верховной власти, что для традиционного русского политического сознания синонимично ее легитимности. Кроме того, монарх:

• является Верховным главнокомандующим Вооруженными силами во время войны;

• наделен некоторыми правами верховного политического арбитра, например, правом роспуска нижней палаты парламента в ситуациях тупиковых политических кризисов;

• назначает судей (благодаря чему третья власть становится-таки независимой от первых двух).

Многие относятся к полемике о государственном устройстве будущей России как к занятию сугубо схоластическому, и отчасти они правы. Но лишь отчасти. Да, и 25 лет назад любой умный скептик сказал бы, что обсуждение посткоммунистического бытия страны лишено практического смысла, ибо «посткоммунистическое» при нашей жизни не наступит. Но вот как-то очень быстро пришел 1989 год, и…

Нечто похожее совершается и сегодня. Я все больше убеждаюсь, что страна уже находится внутри процесса, который можно определить как «перестройка-2». О некоторых важных предпосылках и чертах этого процесса – см. здесь. Опять же, важно терминологически определиться на берегу. Перестройка – это не революция сверху, как многие почему-то думают. Перестройка – это, скорее, нечто прямо противоположное. Это – попытка правящей элиты сохранить существующий строй в условиях, когда неэффективность строя уже стала очевидной самим элитам. Перестройка – это расползание основ существующей политико-экономической системы, которое правящее меньшинство пытается отчасти купировать, отчасти игнорировать, – пока, как сказал бы новейший классик, процесс распада системы не принимает очевидно необратимого характера. Так всё и происходило и в СССР конца 1980-х. Так все происходит и сегодня.

Не будем трогать все аспекты/элементы перестройки-2, коснемся одного: делегитимации инстанции верховной власти. В 1989–1990 гг. была делегитимирована власть Политбюро ЦК КПСС. Почему? Потому что источником этой легитимности были «вечно живое» (единственно верное) учение и сам по себе советский (коммунистический) проект. «Советский» и «коммунистический» – это, бесспорно, не одно и то же, но в контексте этого нашего обсуждения разница несущественна.

Как только системообразующее учение перестало быть единственно верным, а коммунистический проект выпал из реальности, сразу стало понятно, что оснований для власти Политбюро больше нет, а каждая союзная республика вправе сама решать, как ей интегрироваться в «цивилизованный мир» (то есть в победивший капиталистический проект). Последний гвоздь в гроб коммунистической идеократии забил Михаил Горбачев весной 1990 года, введя «светский» (не вписанный в идеократию) пост президента СССР и тем самым лишив эксклюзивности сакральный контур власти в лице партийных инстанций. Сейчас мы наблюдаем частичную делегитимацию президента РФ. Действующий глава государства воспринимается все менее серьезно и более забавно. Его публичные слова стремительно теряют какую-либо вещественную ценность.

Но дело здесь не в личных качествах Дмитрия Медведева и не в его склонностях к электронным игрушкам последнего поколения. И даже не в восприятии власти как увлекательной компьютерной игры. Глубинных причины делегитимации – две. Общая и частная.

Общая – это объективное начало исторического процесса перестройки-2, неизбежно (на первом этапе – вопреки желанию элит) ставящего под сомнение все основополагающие институты, политико-социальные конструкции длящейся/уходящей эпохи. Частная – это так называемый тандем. Конструкция власти, в которой на не вполне понятных основаниях, зато с правом решающего голоса присутствует «другой президент», нарочито воспринимаемый многими как «настоящий правитель». В данном случае – Владимир Путин, но, опять же, персоналии здесь не имеют определяющего значения.

Русское политическое сознание не приемлет двух царей. Царь может быть только один. Если царей больше одного – ни один из них уже не может считаться настоящим, что бы ни говорила по этому поводу пропаганда, официальная или антиофициальная. Сам факт наличия тандема – пусть и не в институциональном, а исключительно в мифологическом качестве, разницы нет – подорвал основания легитимности существующей власти и тем самым способствовал распространению перестроечных ощущений и настроений. Путин, с точки зрения логики и интересов системы, совершил огромную ошибку, не уйдя – вопреки, как я по-прежнему уверен, его личным желаниям и приоритетам – полностью от власти в 2008 году. «Тандемократия», изначально призванная зацементировать каркас сегодняшней власти посредством некоего сочетания в ней «старого» и «нового», сыграла в истории прямо противоположную роль.

И что бы ни происходило дальше – объявит ли 18 мая Медведев о своем втором сроке, отправит ли он в отставку путинское правительство или, напротив, Путин решит возвращаться в Кремль, – разрушительных последствий «тандемониума» этот режим полностью уже не изживет и не преодолеет. Это значит, что следующему (с мая 2012 года) президенту России, кто бы им ни оказался, придется снова ставить вопрос о восстановлении легитимной верховной власти. С определенного момента этот вопрос игнорировать уже будет нельзя – если, конечно, не дожидаться момента, пока верные генералы не уговорят тебя отречься от престола, а бывшие коллеги по ЦК КПСС не сообщат, что твоего государства больше не существует.

Стало быть, президент должен будет собрать Конституционное совещание или хотя бы Круглый стол, где будет обсуждаться уже постпостсоветское устройство России. И на этом совещании, оно же стол, вполне может выясниться, что единственный вариант релегитимации власти – призвание монарха. Который восстановит историческую преемственность базовых символических конструкций русской имперской власти. А единственная альтернатива такому признанию – отказ от имперской парадигмы и переход к национальному государству. С официальным признанием русского национализма главной государственной идеологией и движущей силой госстроительного процесса.

Если Россия остается империей (в правовом формате конституционной монархии), то она – органическая наследница своего прошлого. Включая советский период. «Так было, и так будет». С учетом того, что конституционная монархия следующих времен де-факто явится

классической парламентской демократией. Если Россия становится национальным государством, то она отказывается от части собственного прошлого и переходит в проектную фазу нового государственного строительства, «с нуля». «Так не было, но так будет». Поскольку национализм в истории – вернейший спутник и щедрый донор демократии, концепция национального государства в России может привести к слому извечной модели трансцендентности верховной власти и превращения этой власти в имманентный институт – не от Бога, но народа, от той самой нации как сообщества политически равных, цивилизационно и культурно однородных людей.

Да, для власти сегодняшней не существует более сложных вопросов, чем те, ответ на которые можно найти в «Википедии». Но мы-то должны заглядывать чуть глубже. И лучше сделать это чуть-чуть заранее, чтобы, желательно, не в последний момент. Не тогда, когда уже совсем поздно.

2011 г.

Империя и ее двойник

Мыслить штампами катастрофически удобно. Ибо так очень легко примириться с окружающим тебя политическим/околополитическим пейзажем. А главное – собственным местом в нем.

Например. Много лет подряд российский истеблишмент пестовал миф о том, что в российской власти существуют две основные группировки: «либералы» и «силовики». Первые – хорошие, вторые – плохие (или наоборот, в зависимости от позиции наблюдателя). От первых исходят экономические реформы, подоходный налог в 13 % и дружба с Западом. От вторых – уголовные гонения на бизнес, милитаризм и самоизоляция. И, конечно, «силовики» давно бы уже сбросили атомную бомбу в самое сердце Европы, если бы либералы их не сдерживали.

По собственному опыту знаю: очень непросто отстаивать альтернативную точку зрения о том, что нет идеологически противостоящих друг другу «либералов» и «силовиков», а есть лишь множество кланов и кружков по интересам. И когда надо – из чисто практических соображений – «силовик» у нас легко становится «либералом», а «либерал» – «силовиком».

Всякого носителя такой альтернативщины стремительно записывали в интеллектуальную обслугу какого-нибудь мрачного субъекта (чаще всего все тех же мифических «силовиков»).

Шли годы, смеркалось. И в какой-то момент героическая схватка «либералов» с «силовиками» куда-то рассосалась. Мы перестали о ней знать и вспоминать. Штамп вышел из моды и перестал быть орудием описания этой реальности.

Впрочем, давно уже выросли и взяты на вооружение другие штампы. Которыми так же удобно оперировать для вторичного смесительного упрощения (© К. Леонтьев) всего и вся. Например, миф о том, что современная Россия практически вернулась в СССР. Что РФ – это Советский Союз, версия 2.0.

Доказательства: в Российской Федерации, как и в СССР, есть проблемы со свободой слова, собраний, политической деятельности, слышен грозный рев в одночасье восставших из пепла несметных войск, способных сокрушить все живое, а главное – проявления и продукты советской эстетики на каждом шагу. При президенте Путине мы начали возвращение на всеобщую историческую Родину и вот наконец вернулись. Enjoy.

А если разобраться?

Общие симптомы двух болезней еще не означают их тождества или хотя бы близости. Голова может болеть с похмелья, при мигрени и от опухоли мозга. Однако диагнозы в трех приведенных случаях – существенно разные, как и методы лечения. И не дай Бог перепутать опухоль с похмельем.

Попробуем разобрать ситуацию по пунктам, чтобы убедиться: Россия – это не СССР 2.0, а страна более чем антисоветская. Поверхностные черты сходства никак не должны отвлечь нас от осознания глубинных, сущностных различий.

1. СССР был идеократией – своеобразным религиозным государством, где высшая власть принадлежала институтам религии коммунизма (разноуровневым комитетам КПСС). Как многие уважающие себя религии, коммунизм претендовал на глобальность и экстерриториальность. Согласитесь, государство с названием «Союз Советских Социалистических Республик» могло бы возникнуть с любой части мира, ибо в этой формуле нет никакой четкой географической привязки. Власть в СССР предметно руководствовалась господствующей идеологией в своей деятельности.

РФ – государство типично светское, без какой-либо преобладающей идеологии, тем более – религиозного свойства/толка. Идеократии у нас нет и в помине. То, что формально именовалось идеологией в постсоветские годы, – почти забытая ныне «суверенная демократия» и т. п. – являло собою лишь набор пропагандистских конструкций, призванных объяснить

отдельные действия власти. Но власть от такой псевдоидеологии было совершенна независима. И списывала очередную «концептуальную» модель в утиль, как только для того улучалась практическая возможность.

Советский Союз неудержимо двинулся к своему развалу, когда (конец 1980-х гг.) выяснилось, что коммунизм таки не победит, а стране придется становиться банальной частью «цивилизованного человечества». Для чего, разумеется, идеократия становилась препятствием, подлежащим устранению со столбовой дороги истории.

РФ изначально строилась на стремлении интегрироваться в «цивилизованное человечество». И нынешние попытки отбрыкаться и отбрехаться от глобального «старшего брата» обусловлены не какими-то существенно новыми идеями, обрушившимися на нас метеоритным потоком из ночных глубин русского космоса, а внезапным осознанием, что строить мегакоррумпированную страну третьего-четвертого миров и одновременно сидеть на высокой скамье европейской цивилизации – нельзя. По крайней мере, весьма затруднительно.

2. В развитие п. 1, но отдельно, чтобы первый пункт не показался читателю слишком длинноскучным. СССР предлагал миру некий универсальный проект. И выступал экспортером этого проекта. РФ ничего такого не делает. Единственный предмет ее цивилизационного экспорта – это коррупционно-отмывательные технологии. Но и здесь нет эксклюзива. Многие страны на разных континентах освоили коррупцию и ее производные не хуже нашего.

3. Советский Союз был, по сути, детищем и последствием двух мировых войн. Он принадлежал эпохе модерна, где все настоящее – война и революция, плоть и кровь, любовь и смерть. Российская Федерация – детище и последствие холодной войны, проигранной СССР. Она принадлежит эпохе постмодерна, где игрушечное превалирует над настоящим. В войне и мире, крови и лимфе. Только смерть остается самой собою, как водится и всегда.

4. В силу пп. 1–3, РФ, в отличие от СССР, не может быть империей. Можно сколько угодно фантазировать на эту тему, только фантазии невоплощаемы в жизнь. Кроме того, РФ не может быть империей согласно второму началу термодинамики (грубо говоря, разбитая чашка сама собой не может собраться из осколков). Эту мысль я развивать сейчас не буду, т. к. она сложновата даже для меня самого. Пытливого читателя хочу для начала адресовать к словарям. А в обозримом будущем, Бог даст, вернемся к теме.

5. СССР строился на относительно низком уровне коррупции. РФ отличает весьма высокий уровень коррупции, лежащий в основе нашей экономики РОЗ (Распил, Откат, Занос). Которая предполагает, что коррупционные соображения – именно они – служат ключевым мотивом принятия многих важных и важнейших политико-экономических решений.

Если коррупционные надежды и чаяния подточили советскую бюрократию и властную машину в целом (во второй половине 1980-х), то в России дело обстоит ровно наоборот: если вдруг в некий День гнева коррупция будет упразднена (чудесным образом, поскольку иного варианта пока не видно), аппарат госуправления схлопнется, ибо исчезнет сам смысл его существования.

6. Советская экономика была гигантским механизмом обслуживания своей сердцевины – военно-промышленного комплекса. Позволявшего нашим Вооруженным силам делать свое главное дело – ждать большой войны с целью обеспечения мира во всем мире.

РФ-экономика есть механизм обслуживания своей сердцевины – нефтегазового комплекса. Отрасли и сферы, в которых нефтегазовый комплекс особо не нуждается, неизбежно отмирают. Можно считать доказанным, что все многолетние разговоры о «диверсификации экономики», «новом технологическом укладе» и т. п. – заведомый фарс и блеф. Имеющий такое же отношение к реальной политике, как всякая «суверенная демократия» – к государственной идеологии.

7. В Советском Союзе деньги играли второстепенную роль. В Российской Федерации они определяют всё или почти всё. Превратившись из экономического инструмента в сакральную

субстанцию, способную, как и положено всякой субстанции такого рода, обеспечивать физическое бессмертие. Систему власти в России можно описать как монетократию – господство денег.

8. СССР ориентировался на автаркию, т. е. полное обеспечения себя всем необходимым – от ядерных ракет (хороших) до легковых автомобилей (плохих, но все же своих) и колбасы (по-разному). РФ же изначально ориентировалась на импорт всего, что слишком дорого и муторно делать дома при избранной модели экономики. Потому сегодня РФ совершенно зависима от Запада, прежде всего технологически. И коллективный рогозин, на полном серьезе рассуждающий о некотором стремительном «импортозамещении», просто морочит голову – если не себе, то наиболее доверчивым из сограждан.

9. Постсоветская РФ-элита – это корпорация по утилизации советского наследства. Только одни приватизировали нефтяные месторождения и НПЗ, вторые – мясокомбинаты, а третьи – культурные символы и эстетические образцы. Поиски высокой неосоветской эстетики начались вовсе не с Путина, а с культовых программ нашего телевидения 1990-х годов: «Старые песни о главном» и «Намедни 61–91». Именно там СССР был очень талантливо показан как сусальная страна нашего детства, а не мрачное вместилище таежного ГУЛАГа. Национальный лидер стал во многом ответом на эти «Старые песни». Паразитическая эпоха, начавшаяся в конце минувшего века и устоявшаяся в нулевые годы столетия нынешнего, попросту не могла создать собственных символов и потому приспособила для своих нужд надежные советские, слегка модернизировав их. Но это вовсе не является истинным возвращением в СССР.

10. Пародист может быть очень способным и профессиональным, но не может взаправду занять место пародируемого артиста. Жанры не пересекаются. Как и эпохи.

2014 г.

Политическая философия Александра Пушкина

Некоторые, заметные многим свежайшие перемены во внешне-внутренней политике нашего Отечества влекут за собой последствия, и весьма благоприятные – только не осознаваемые нами сразу и совершенно.

Благодаря ужесточению позиций властей по многим вопросам, равно как и безупречному единению огромного большинства народа вокруг темы «Крым наш», публицист-комментатор получил возможность не заморачиваться текущими политическими интригами и скандалами, которым еще недавно он уделял столько безжалостного времени. В конце концов, кому будут нужны все эти мелкие сюжеты хотя бы год спустя, и стоит ли изводить на них, вместе с компьютерной памятью, благосклонное внимание окружающих? Нынче есть возможность заняться сюжетами большими, историческими, и вряд ли стоит упускать такой момент.

Еще недавно мы могли считать, что главное событие 6 июня 2014 года – это, скажем, саммит в Нормандии, где серьезные мировые лидеры собираются в честь 70-летия высадки союзных антигитлеровских войск. И судьба мира, особенно в украинской его части, во многом зависит от того, получится ли разговор Барака Обамы с Владимиром Путиным. А если получится, то каким – по духу, тону и психологии.

А сейчас мы можем вспомнить, что союзники высадились в Нормандии как раз в день рождения Александра Сергеевича Пушкина, и посвятить часть своих переживаний – ему.

Повод вспомнить Пушкина в России есть всегда. Каждый день. Но сегодня я привлек бы внимание читателя к тому, что А. С. – в некоторой степени основоположник, классик и систематизатор российской политической философии. В том смысле, что он прежде многих дал нам незамутненный общественно-политический портрет базового обитателя наших тутошних мест – русского человека. Наш общий и отдельный портрет.

Если мне когда-нибудь пришлось бы преподавать любознательной молодежи что-то из политической теории, я начал бы с курса Пушкина. Или даже с совета перечитать нашего главного классика.

Если какой въедливый критик зачем-то заинтересуется этим текстом, он сможет сказать мне, что сам термин «политическая философия» использован здесь весьма условно и не вполне точно. Готов принять этот упрек сразу и с гнетом его двигаться дальше. «Пугливыми шагами».

1. А. С. Пушкин дал и показал нам важнейшую русскую общественно-политическую идею – идею инобытия.

Политика, в общем, находится за гранью русской практической реальности, она же и повседневность. Понятия типа «местное самоуправление» или «гражданские обязанности» звучат слишком скучно и оттого нам несколько чужды. Вот войны, революции, всякие прочие фатальные катастрофы – это то, что надо. Чтобы оказаться в политике, русский человек должен выйти за пределы своего банального наличного бытия и оказаться в некоем зазеркалье. Этим мы существенно отличаемся от европейцев.

Тяготение к инобытию проявляется в доминировании двух важных склонностей, живущих в русском человеке бессознательно: а) к самозванству; б) к побегу.

Самозванство – это решительно-отчаянная попытка найти себе альтернативную идентичность. Потому что изначальная идентичность, данная Богом, родителями и страной, вполне устраивать не может. Русский человек вообще любит не ценить то, что у него есть, и ценить то, чего нет. В этом плане мы – стихийные реформаторы, чей порыв в иное измерение сдерживается крепостью и суровостью нашего исторического государства. Как только хватка государства ослабевает, начинается такое переустроение, что хоть святых выноси.

«Борис Годунов» дает нам сразу двух самозванцев, связанных между собою подобно головам державного герба. Самозванец – не только Григорий Отрепьев, но и сам царь Борис,

тоже получивший трон не вполне корректным образом. Притом настоящий, правильный самозванец всегда отличается тем, что верит в собственную альтернативную идентичность чуть более, чем полностью. Вроде как на самом деле считает себя царем или кем-то еще подобным. В этом смысле уже и не так важно, кем самозванец является на самом деле. «Димитрий я иль нет, что им за дело?» Самозванец – большой актер, который на сцене полностью перевоплощается в персонажа, становится неотделимым от него. Главное – чтобы спектакль продолжался как можно дольше, в идеале – до земной бесконечности. И Емельян Пугачев, пушкинский и непушкинский, никогда не добился бы стартовых побед, если бы не объявил себя Петром III. Ведь какой толк в нашей России жить и гибнуть НЕ за царя?

Не случайно, как принято считать, именно Пушкин дал Гоголю сюжет «Ревизора».

Самозванство – это форма побега, так сказать, по вертикали. Из одного существа – в другое. А есть и побег по горизонтали, тоже проявление тяготения к инобытию. «Давно, усталый раб, замыслил я побег в обитель дальную трудов и чистых нег». Куда бежать – непонятно, но важно не терять надежды, что побег все же возможен. Здесь – природная русская клаустрофобия. Выражающаяся хотя бы в том, что всякое расширение территории считается благом, независимо от последствий. А всякое сокращение территории порождает рефлекторное удушье. Каким будет наше счастье, если – и когда – мы все-таки прорвем турецкие проливы (Босфор, Дарданеллы) и окажемся прямо на Средиземном море, о!

Еще формы вертикального побега – безумие (Германн в «Пиковой даме», Евгений в «Медном всаднике»). И, конечно, смерть. Которая в России бывает вполне предпочтительнее обыденной жизни.

2. Добрый русский царь – это злой царь.

Государство не воспринимается нами как друг, сподвижник или тем более слуга. Оно – строгий учитель. Призванный выбить из нас природную дурь всеми доступными и недоступными способами. Фамильярность с учителем невозможна, иначе его указки перестанут бояться. Страх – основа легитимности. Мы часто благодарны злому царю за добрую науку, но не спешим благодарить за милости и послабления, которые более свойственны правителям ничтожным. «Я думал свой народ в довольствии, во славе успокоить, щедротами любовь его снискать, но отложил пустое попеченье: живая власть для черни ненавистна. Они любить умеют только мертвых – безумны мы, когда народный плеск иль ярый вопль тревожит сердце наше!» («Борис Годунов»).

Уже, кажется, все сказано про Иосифа Сталина, но мы не перестали его премного уважать. Один очень известный актер, ныне, увы, уже покойный, жаловался на то, что очень хотел сыграть Сталина смешным – но это так и не получилось. А вот сделать посмешище из Горбачева или Ельцина – чего проще! Нынешняя власть это во глубине души хорошо знает. Образование и всякое прочее здравоохранение – абстракции, подлинная цена которым неясна. То ли дело национальная безопасность – вот это вещь конкретная. Чтобы народ не вышел из берегов, его надо держать в узде, во его же собственное благо. Ибо без строгого (м)учителя-государства заблудится этот народ в истории, потеряется и пропадет. А еще одной революции мы не переживем.

3. Волшебный фарт – вот двигатель русской души.

В России ничего не может быть постепенно, умеренно, аккуратно. Всякие слишком длительные реформы обречены уже потому, что они длительные. Счастье достигается только чудесным образом, оно не есть банальный результат протяженного эволюционного пути.

«Расчет, умеренность и трудолюбие: вот мои верные три карты» – заговаривает себя Германн в «Пиковой даме». Но заговаривает напрасно. Три карты, действительно способные изменить его судьбу, – тройка, семерка, туз, иначе никак. Он идет на авантюру, ведущую к безумию и смерти. Это лучше, чем расчет, умеренность и трудолюбие.

Не обещайте русскому народу долгих лет добросовестного труда. Обещайте чудо: в него поверят гораздо скорее – и простят вас, если (и когда) чуда не произойдет. В крайнем случае, всегда можно убедить себя, что оно-то и свершилось.

4. Земная власть не ограничена никем и ничем, кроме власти неземной. Над людьми земная власть тотальна, перед неземной – ничтожна. В этом смысле тотальность и ничтожество – одно целое.

Вот, к примеру, «Медный всадник», политический пейзаж с наводнением. «В тот грозный год покойный царь еще Россией со славой правил. На балкон печален, смутен вышел он и молвил: с Божией стихией царям не совладеть».

5. Главное русское счастье – вовремя уйти. Уйти по собственному выбору, а не по воле других. Здесь мы вновь обращаемся к побегу.

«Блажен, кто праздник жизни рано оставил, не допив до дна бокала полного вина, кто не дочел ее романа и вдруг сумел расстаться с ним» («Евгений Онегин»).

Я всегда считал «Моцарта и Сальери» пророчеством о самоубийстве Пушкина. А Дантеса – орудием и другом Александра Сергеевича. Хотя, возможно это вовсе не так.

О политической философии Пушкина еще можно написать диссертацию. Но сейчас это все так дискредитировано… Подождем лучших времен.

Ждать – также одно из любимых русских занятий.

2014 г.

Третья мировая как альтернатива надоевшему миру

Намедни мой давний приятель, ветеран русской журналистики Игорь Дудинский, написал манифест о войне. Ключевой фрагмент манифеста такой:

«Война – сакральная святыня русских. Недаром у нас такое трепетное, болезненное отношение к Победе. Дискредитируя последнее, что у нас осталось, власть окончательно добивает творческий потенциал нации. Уж так исторически сложилось, что только война позволяет русским проявить свои лучшие человеческие и метафизические качества. Вне войны у нас связаны руки и обрезаны крылья. В “мирное” время мы лишены возможности заявить о себе как нация. Поэтому война – наше естественное, созидательное, пассионарное состояние.

Закончится война – и от нашей сегодняшней окрыленности и вдохновения не останется и следа. Мы снова превратимся в рабов системы».

Со сказанным можно спорить, но классик на то и классик, что всегда дает повод и причину порассуждать.

Последние 25 лет мы, как теперь выясняется, жили хорошо. Даже слишком хорошо.

Большие войны прошли мимо нас. Точнее, они достались и нам, но как-то больше по телевизору. Главный пропагандистский тезис брежневских времен «лишь бы не было войны» вошел в наш позвоночник достаточно глубоко, чтобы мы не мечтали о радикальных приключениях.

Чем мы занимались эти 25 лет? Жили.

В процессе проживания к нам приходили то хамон и пармезан, то нищета и депрессия, то «Санта-Барбара» и богатые, которые тоже плачут, то выборы и их результаты, то отказ от выборов и совершенное политическое спокойствие. Но война как-то ушла с переднего плана. Она осталась в прошлом. В настоящем сохранилась Великая Победа – нужная, впрочем, для того, чтобы никогда-таки больше не было войн.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.